

Графика без героев

Новые Известия — 2002 — 16 марта — С. 7
Зураб Черетели в проекте «Между Колумбом и Петром»

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

«Мне не подходит слово «успех». Еще так много надо сделать! Я же ищущий художник!» С этой тирады начинается каталог графической выставки Зураба Черетели, открывшейся в московской галерее «Дом Нащокина». В том же издании можно отыскать название экспозиции, первоначально ей присвоенное, однако нигде больше не упоминаемое, — «Между Колумбом и Петром». Отказались от слогана, видимо, по причине двусмысленности: речь идет о рисовании в перерывах между монументальными проектами, но не дай Бог кто-нибудь углядит намеки на историческое значение автора.

А ведь Зураб Константинович — воплощенная скромность, хотя и не без признаков величия. Почему графика, почему на стороне? «В Академии художеств не дают помещения, приходится выставляться в другом месте». Мог бы и вовсе обойтись без персоналки, но люди пристают, требуют, восхищаются. И невозможно никому отказать по мягкости характера...

Теперь предложен «бумажный» отчет за последние четыре года. Горшечники, дворники, уличные музыканты, завсегда пивных и кофеен, влюбленные, галалки. Закавказский Монмартр в шелкографическом исполнении. На технологию специально обращаем внимание, поскольку никто из вернисажной публики, включая виновника торжества, не готов был этот вопрос обсуждать. Не то рисунки, не то акварели... Внесем ясность: кроме одного изображения флюмастером, все остальное — печатная графика, можно и растр углядеть, и залиты краски за контур. Никакого компромата здесь нет, только снимается тезис о секундных импровизациях, ибо шелкография — довольно сложный технологический процесс. Чересчур сложный, чтобы такой занятой человек посвящал ему время, даже свободное от монументальных проектов. Наверня-

Алкаш от Черетели: без имени и без судьбы.

ка работал профессиональный печатник, хотя, скорее всего, существуют где-то собственноручные авторские эскизы, которые в выставку не вошли по причине малой презентабельности.

Но раз уж люди отвращаются от технических вопросов, предпочтя им безоглядное восхищение пластикой и тематикой, то и мы туда же. Пластика и тематика — первый сорт, прямиком от Пикассо, Леже и Шагала. Чуть сбоку маячат Дали в обнимку с безвестным иллюстратором советской литературы. Существует мнение, будто камерные произведения Зураба Черетели гораздо лучше его масштабных объектов. Вне всяких сомнений. Графические листы лучше многотонных бронзовых изваяний хотя бы тем, что помещаются в папку и

не выносят атмосферных осадков. Они не способны испортить облик никакого города, будь то Москва, пуэрто-риканский Сан-Хуан, испанская Марбелья или сибирский Когалым.

Вдвойне приятно, что среди шелкографических персонажей не встречаются ни принцесса Диана, ни Майкл Джексон, ни Никита Михалков — никто из достойных и менее достойных, живых и почивших обитателей планеты Земля, кому угрожало бы увековечение от рук Черетели. Бывают такие запечатлители минувшего века, знакомства с которыми не удастся избежать ни одной сколько-нибудь значительной личности. На пресс-конференции художник заявил о непереносимом участии в конкурсе на петербургский памятник Иосифу Бродскому — поскольку «знал и любил»...

Впрочем, во многих случаях угрозы преувеличены. Если собрать полную антологию черетелиевских анонсов, то выяснится: за большинством из них реальной опасности не стояло. Монументалист щедро плодит вокруг себя информационные поводы: собирает пресс-конференции, рассылает письма королям и президентам, полуслушливо намекает на планы громадьи и пр. Двумя словами, патентованный ньюсмейкер.

Взять хотя бы историю с мемориалом в честь рухнувших нью-йоркских небоскребов. Ну выступил Черетели с письменной инициативой насчет постройки в скорбном месте некоего сооружения. Американцы скорее мечеть возведут на фундаменте ВТЦ, чем полубезумную конструкцию от какого-то грузинского постмодерниста. Но дело сделано: агентства распространили, обозреватели прокомментировали, обыватели содрогнулись. И правильно, бей чужих, чтобы свои побаивались. В мозгу каждого россиянина должна запечатлеться мысль: никто не застрахован от того, что взгляды его на выходе из парадного не упрутся однажды в изваяние работы Черетели. Прецеденты бывали, да и в перспективе «еще так много надо сделать».